

Глава 1

Мать-и-мачеха

ПЕРВОЙ МЫСЛЮ НОРЫ, когда ей принесли тело, было, что это не ее муж. Бесконечно долгий миг она глядела, как мужчины несут тяжелое тело Мартина на мокрых от пота плечах; от холода перехватывало дыхание, а она думала, что все это лишь злая шутка, подмена, грубая подделка, страшная своей похожестью. Рот Мартина и глаза его были открыты, но голова безжизненно свесилась на грудь. Кузнец и пахарь принесли ей что-то неодушевленное, что не было ее мужем. Это вовсе не он.

Мартин окапывал канавами поля на склонах. Питер О'Коннор сказал, что видел, как он вдруг перестал копать, прижал руку к сердцу, как будто давая клятву, и повалился на рыхлую землю. Он не вскрикнул от боли. Ушел без страха и не попрощавшись.

Потрескавшиеся губы Питера дрожали, глаза были красными.

— Сочувствую тебе в твоем горе, — шепнул он.

И тут у Норы подкосились ноги, и она упала наземь, прямо в грязь и солому двора. Осознание ужасной правды сжало сердце.

Сильные, покрытые шрамами от кузнечной работы руки Джона О'Донохью и его плечо приняли тяжесть Мартинова тела, чтоб Питер мог поднять Нору

с грязной земли. Взгляды обоих мужчин были темны от горя, и, когда Нора, открыв рот, задохнулась невыкрикнутым воплем, они склонили головы, словно все-таки его слышали.

Разжав стиснутые кулаки Норы, Питер страхнул с ее ладоней остатки птичьего корма и шуганул с порога клохчущих кур. Обняв Нору за плечи, он повел ее обратно в хижину и усадил возле очага, рядом с которым в постели, устроенной на широкой лавке со спинкою, спал ее внук Михял. Когда они вошли, мальчик заворочался. Щеки его покраснелись от жара торфяного пламени, и в быстром взгляде, каким Питер окинул Михяла, Нора заметила любопытство.

Вслед за ними вошел и Джон. Тяжелая ноша, которую он нес теперь один, заставляла его крепко стискивать челюсти, грязь с его башмаков пачкала глинобитный пол. Крякнув, он скинул тело Мартина на постель в спальней выгородке. Из соломенного тюфяка в воздух поднялась пыль. Четкими размеренными движениями кузнец осенил себя крестом и пробормотал, что жена его, Анья, скоро будет и что нового священника известили.

Нора почувствовала, как ей сжало горло. Она поднялась, чтоб пройти туда, где лежал Мартин, но Питер удержал ее, взяв за кисть.

— Его перво-наперво обмыть надо, — мягко сказал он.

Джон с беспокойством взглянул на мальчика, но ничего не сказал и молча вышел, прикрыв за собой створку входной двери.

В доме стало темнее.

— Говоришь, ты видел, как он упал? Собственными глазами видел?

Голос Норы был слабым и доносился словно издали. Она стиснула руку Питера, сжала ее до боли в пальцах.

— Да, видел, — негромко сказал он, не сводя глаз с Михяла. — Я заметил его в поле, помахал ему и, как он упал, тоже видел.

— Без канав-то как же? Он вчера объяснял, зачем так нужно, чтобы дождь...

Нора почувствовала, как смерть мужа наползает, накрывает собой ее всю, заставляя дрожать всем телом. Питер набросил ей на плечи куртку, и по знакомому запаху горелой мать-и-мачехи она поняла, что это куртка Мартина. Видно, и куртку принесли вместе с телом.

— Надо будет кого другого попросить работу доделать, — вздохнула она, трясь щекой о ворс куртки.

— Не думай сейчас об этом, Нора.

— И крышей заняться тоже. Весна на носу. Латать надо.

— Мы все позаботимся об этом, не волнуйся.

— И Михял. Мальчик... — Охваченная тревогой, она взглянула на мальчика. В отблесках пламени волосы его казались медно-рыжими. Слава богу, спит. Когда он спал, уродство было не так заметно. Скрюченные ноги расслаблялись, а о немоте его никто бы не догадался. Мартин всегда говорил, что во сне Михял особенно похож на их дочь. «Вот сейчас он словно бы и не болен вообще, — сказал он однажды. — И видно, каким он станет, когда уйдет эта хворь. Когда мы его вылечим».

— Может, позвать к тебе кого, Нора? — спросил Питер. Лицо его исказилось гримасой сочувствия.

— Михял... Не хочу, что он был здесь, — голос ее звучал хрипло. — Отнеси его к Пег О'Шей.

Питер смутился:

— Ты не хочешь, чтобы он оставался с тобой?

— Убери его отсюда.

— Негоже оставлять тебя одну, Нора. Путь хоть Аня придет.

— Не желаю, чтобы все здесь глазели на него!

Склонившись к мальчику, Нора подхватила его под мышки и подняла в воздух под самым носом Питера. Михял сморщился, заморгал, разлепляя слипшиеся веки.

— Возьми. Отнеси его к Пег. Пока не появился никто.

Михял завопил, пытаясь высвободиться из рук Норы. Его ноги дрожали. Кожа на них была в болячках, словно лопалась на костлявом тельце.

Питер поморщился:

— Это ведь дочери вашей, да? Упокой Господь ее душу.

— Забери его, Питер. Пожалуйста.

Он задержал на ней взгляд — долгий и печальный.

— Да народу-то в такой день и дела до него не будет. Все о тебе только и думать станут.

— Они будут глазеть на него и шушукаться, я знаю.

Михял, запрокинув голову, поднял крик, сжимая руки в кулаки.

— Что это с ним?

— Бога ради, Питер. Унеси его. — Голос изменил Норе. — Убери его от меня!

Кивнув, Питер взял ребенка себе на колени. На мальчике было шерстяное девчачье платье, слишком длинное для него, и Питер неуклюже укутал ноги мальчика выношенной материей, стараясь прикрыть и пальцы.

— На дворе холод, — пояснил он. — У тебя платка какого для него не найдется?

Дрожащими руками Нора сняла с себя свой платок и отдала его Питеру.

Он встал, прижимая к груди закутанного хнычущего ребенка.

— Мне жаль тебя, Нора. Очень жаль.

Питер ушел, оставив дверь распахнутой настежь.

Нора подождала, пока плач Михяла не затих вдали, и удостоверилась, что Питер вышел на дорогу. Тогда она поднялась с низкой скамеечки и прошла в спальную выгородку, кутаясь в куртку Мартина.

— Раны твои, Господь всемилостивый...

Ее муж лежал на их супружеском ложе, вытянув руки вдоль тела и прижав к бокам мозолистые, испачканные травой и землей ладони. Глаза его были полуоткрыты, и белки их жемчужно мерцали на свету, падавшем из открытой двери.

Неподвижность Мартина и мертвая тишина вокруг поднимали в душе ее волны скорби. Опустившись на кровать, Нора прижалась лбом к скуле Мартина, и от щетинистой кожи на нее повеяло холодом. Натянув куртку на них обоих, она закрыла глаза и почувствовала, что ей не хватает воздуха. Боль обрушилась, как водопад, и затопила ее целиком. Сотрясаясь всем телом, она зарыдала, уткнувшись в ключицу мужа, вдыхая запах его одежды, впитавшей запахи земли и навоза, и нежный аромат полей, и торфяной дымок осеннего вечера. Она плакала и выла, скулила тоскливо и жалобно, как брошенная бездомная собака.

Еще утром они лежали в этой постели, бодрствуя в первые мгlistые часы рассвета, и теплая рука Мартина покоилась на ее животе.

— Думаю, дождь будет сегодня, — сказал он, и Нора позволила мужу еще теснее прижать ее к широкой

груди и приноровила свое дыхание к тому, как вздымалась и опадала его грудная клетка.

— Ночью ветер был.

— Он разбудил тебя?

— Меня ребенок разбудил. Он плакал, боялся ветра.

Мартин чутко прислушался:

— Сейчас тихо. Не шевелится.

— Ты картошку сегодня копать будешь?

— Канавы.

— На обратном пути поговоришь с новым священником о Михяле?

— Поговорю.

Нора приникла всем телом к мертвому телу мужа, вспоминая все их ночи и как он привычно прикасался ногой к ее ноге, и рыдала, рыдала до дурноты.

Притихнуть ее заставило лишь опасение разбудить стерегущих ее душу демонов. Запихнув себе в рот рукав Мартиновой куртки, она затряслась в беззвучном плаче.

«Как же ты посмел бросить меня здесь одну», — думала она.

— Нора?

Она проснулась. Запухшие глаза различили хрупкий силуэт жены кузнеца, стоявшей в дверях.

— Аня, — прохрипела Нора.

Женщина вошла, перекрестившись при виде тела.

— Помилуй Господи его душу. Сочувствую тебе в твоём горе. Мартин, он... — Она осеклась, опустившись на колени возле Норы. — Он был замечательным человеком. Редким.

Нора села на кровати, смущенно вытерла глаза фар-туком.

— Твое дело горевать, Нора. Вижу... А наше дело проводить его как положено. Ничего, если я обмою его и уберу тело честь по чести? За отцом Хили уже послано. Скоро прибудет. — Аня положила руку Норе на колено и тихонько сжала.

Нора в ужасе не сводила глаз с нависшего над ней широкоскулого лица соседки: в полумраке оно казалось призрачным.

— Ну-ну... Вот твои четки. Он теперь с Господом, Нора. Помни это. — Она обвела хижину взглядом. — Ты что, одна? А разве ребенок...

Нора крепче сжала четки.

— Я одна.

Аня обмывала Мартина бережно, будто собственного мужа. Поначалу Нора лишь смотрела, стиснув четки так, что дерево впечаталось в кожу. Не верилось, что это лежит ее муж — голый, с таким нестерпимо белым животом. Как стыдно, что чужая женщина видит все укромные места его бледного тела. Когда, встав, Нора потянулась за тряпкой, Аня беспрекословно ее отдала. И Нора сама стала обмывать тело, каждым движением руки словно прощаясь — с изгибами худой груди, очертаниями ног...

«Как же хорошо я тебя знаю», — подумалось ей, и, проглотив снова подступивший к горлу комок, она стала разглядывать тонкую, как паутина, сеточку вен на бедрах мужа и знакомую поросль курчавых волос. Она не могла понять, почему тело Мартина стало таким маленьким. Ведь при жизни он был сущий медведь и в первую их брачную ночь поднял ее, словно невесомый солнечный лучик.

Темные волосы на его груди были влажными.

— Вот теперь, думаю, он чистый, Нора, — сказала Аня.

— Еще чуть-чуть.

Она провела ладонью по его груди, словно ожидая, что та поднимется от дыханья.

Аня отняла у нее серую тряпку.

Вечерело, снаружи налетал порывистый ветер, Нора сидела возле Мартина, предоставив Ане поддерживать огонь в очаге и зажигать лучину. Внезапный резкий стук в дверь заставил обеих подскочить от неожиданности. Сердце Нору обожгла мысль, что это, может статься, Мартин возвращается с поля.

— Мир этому дому!

В хижину вошел молодой человек, полы его облачения раздувались на сквозняке. Новый священник, догадалась Нора. Темноволосый, румяный, хоть и долговяз, а лицо детское, с пухлыми губами. Нора заметила и щель между передних зубов. С одежды отца Хили стекала вода, и вошедшие за ним Питер и Джон тоже были насквозь мокрые. А она и не знала, что погода так переменялась.

— Добрый вечер, отец.

Аня приняла из рук священника его мокрый плащ и, аккуратно расправив, повесила сушиться у очага.

Священник озибался, пока не заметил Нору в спальной выгородке, и направился к ней, нагнув голову под низкой притолокой. Глядел он серьезно.

— Да пребудет Господь с вами, миссис Лихи. Сочувствую вам в вашем горе. — Взяв ее руку в свои, он сжал ее ладонь. — Надо думать, для вас это явилось ужасным ударом.

Нора кивнула — во рту у нее пересохло.

— Все там будем, но всегда печально, когда Господь призывает к себе тех, кого мы любим. — Он отпустил ее руку и, склонившись к Мартину, приложил два тонких пальца к его горлу. Потом слегка кивнул: — Отошел. Я не могу совершать таинство.

— Смерть подкралась к нему неожиданно, отец, — это произнес Питер. — Нельзя ли все-таки сделать все как положено? Ведь душа-то, может, еще и не покинула тела!

Отец Хили вытер лоб рукавом и конфузливо поморщился:

— Таинства предназначены живым. Усопшим они ни к чему.

Нора сжала в руке четки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Помолитесь за него, отец, вы ведь помолитесь, правда?

Священник перевел взгляд — с мужчин в дверях на Нору.

Та вскинула голову:

— Он был добрым человеком, отец. Скажите над ним молитвы.

Вздохнув, отец Хили кивнул и, потянувшись к саквояжу, вытащил оттуда огарок свечи и пузырек с елеем. Он зажег свечу от огня в очаге, неловко сунув огарок в руку Мартина, начал читать молитвы и уверенной рукой мазать елеем голову покойника.

Опустившись на жесткий пол рядом с кроватью, Нора привычно и бездумно перебирала четки. Слова молитвы казались пустыми, лишними, они холодно застывали во рту, и вскоре она перестала их шептать и сидела молча и немо.

Не смогу я одна жить, думала она.

Отец Хили откашлялся, поднявшись, отряхнул с колен приставшие к ним крошки глины и потянулся за плащом и монетой, поданной Джоном.

— Да пребудет с вами милосердие Господне, — сказал он Норе и, стряхнув со шляпы капли дождя, нахлобучил ее на голову. Он опять пожал ей руку, и она вздрогнула от прикосновения жестких и костлявых его пальцев. — Храни вас Господь. Просите его о любви и прощении и храните вашу веру, миссис Лихи. А я буду непрестанно поминать вас в молитвах.

— Спасибо, отче.

Они глядели, как священник во дворе садится на своего осла, ежась под струями дождя. Помахав на прощание, он принялся нахлестывать осла хворостиной, пока вокруг них не сомкнулась непогода и обоих не поглотила непроглядная темень долины.

Вечером в лачугу собрались соседи, прослышавшие, что Мартин умер у перекрестка, неподалеку от дома кузнеца, и аккуратно когда кузнец ударил молотом по наковальне, словно удар этот Мартина и убил. Люди жались поближе к очагу, утешаясь трубками и бормоча слова сочувствия Норе. Дождь барабанил по соломенной крыше.

Норе волей-неволей пришлось помогать Анье, хлопотавшей о предстоящем поминальном бдении. Не время лить слезы, когда следует позаботиться о *потине*¹, глиняных трубках и табаке и раздобыть стулья, чтоб всех усадить. Нора знала, что тень смерти обычно

¹ Потинь — крепкий алкогольный напиток из ячменя или картофеля, ирландский самогон (ирл. poitín). Здесь и далее произношение ирландских имен и названий приводится в варианте, свойственном диалекту провинции Манстер, где происходит действие романа.

пробуждает в людях желание курить, есть и пить, словно, наполняя легкие дымом, а утробу едой и питьем, они уверяются в собственном добром здравии и в мысли, что их жизнь еще длится.

Вновь ощутив, как горе валит с ног, она отошла в угол и уперлась ладонями в прохладную беленую стену. Несколько раз медленно вдохнула, разглядывая собравшихся. Большей частью это были жители долины, связанные родством, общим трудом и уважением к традициям, впечатанным в эту землю прежними поколениями. Степенные, немногословные люди, они жили под сумрачной сенью Крохейна, в плодородной впадине между скал и камней Фойладуейна, Дерринакуллига и Клонкина. Со смертью они были знакомы не понаслышке. Нора видела, как соседи готовят ее лачугу к скорбному обряду — так, как почитают это наиболее достойным. Они подкладывали торф в очаг, пока не разгорелось дымное пламя, и делились историями. Будет время и поплакать, но это позже.

Снаружи прогремел гром, и люди, вздрогнув, придвинулись поближе к огню. Снуя по комнате и подливая собравшимся воду в кружки, Нора слышала шепоты о предзнаменованиях. Поминали погоду и сорб́к с бекасами, предрекших Мартину смерть. Много толковали и про место, где он упал, — на скрещении дорог, там, где хоронят самоубийц. Вспомнили и то, как внезапно в этот день нахмурилось небо и поползли с запада черные тучи — верная примета, говорившая о скорой Мартиновой гибели, и как потом долину накрыло грозой.

Не зная, что Нора его слушает, Питер О'Коннор рассказывал мужчинам, как перед самой той минутой, как Мартин схватился за сердце, он, Питер, приметил в поле четырех сорок, сидящих кружком: